

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В РОССИИ НАЧАЛА ВЕКА

Эта статья представляла собой часть Введения к монографии "Слово и текст в средневековой культуре". Одной из его задач было объяснить поворот русской религиозной философии к "новому средневековью". Вместе с тем по ходу изучения всей полемики и всего многообразия философии культуры начала XX века возникли сюжеты, выходящие за рамки собственно культурологической проблематики и представляющие самостоятельный интерес. Статья финансируется Российским Фондом фундаментальных исследований (грант 93-06-10255).

Историческая "лихорадка" началась сразу же после Октября 1917 г. То, что должна была произойти смена исторических ориентиров, что историческая наука должна пойти по совершенно иному, чем прежде, пути, вряд ли удивило бы кого-нибудь из историков-профессионалов. Слишком грандиозным было потрясение, чтобы в таком отсеке общественной жизни, какой была историческая наука, все могло остаться по-старому. К тому же сам характер исторического знания, сложившийся к 1917 г., вел к *ослаблению* исторических позиций, к *ослаблению достоинства* истории как особой, гуманитарной сферы мысли. Потому хотелось бы показать, каким образом кризис исторического сознания начала века облегчил разгром исторических концепций в России.

Модернизация истории. Болезнь Ранке - Фюстель де Куланжа.

К началу века история в России развивалась, как впрочем, и ныне, по двум линиям: отечественной и всеобщей, или - всемирной, истории. Историки-"всемирники" всегда имели дело с инокультурной традицией: территориально невеликий и политически, как правило, однородный Запад изначально обладал крепкой правовой основой, сословной взаимосвязанностью и общественным мнением, чего напрочь была лишена Россия. К тому же на Западе история была пропитана идеей всемирности и осознанием единства событий. Почти всякий уважающий себя историк писал свою историю "от Адама", пытаясь определить не только ее смысл, но и тенденцию развития каждой отдельной эпохи как особой и уникальной, ценной самой по себе, а не по связи с современностью. "Каждая эпоха стоит в непосредственном отношении к Богу, а ее ценность основана вовсе не на том, что из нее выйдет, а на ее существовании, на ее собственном "Я", - писал выдающийся немецкий историк, по-

клонник конституционной монархии Л. Ранке¹. Собственно, утверждение это было направлено против рационализма XVIII в., одним из основоположений которого было установление суда над историей. Однако оно вполне применимо и к профессиональным историкам России: не случайно идеи немецкой исторической школы были предметом пристального изучения со второй половины XIX в.

Дело в том, что особенностью российской интеллигенции была ее сугубая идеологизация, и то, что на Западе часто обсуждалось как научная гипотеза, в России принималось за абсолютную истину². Так было, в частности, с идеей прогресса, которая в русской интерпретации действительно снимала всякое, в том числе историческое "Я", и против профанации которой, начиная с конца XIX в., выступали лучшие историки, например, "всемирники" Н.И. Кареев или Л.П. Карсавин.

Тем же пафосом единства истории, на котором воспитывались историки-"всемирники", проникнут и знаменитый тезис Фюстель де Куланжа: "Тексты, тексты, ничего, кроме текстов!", где текст понят как зеркало истории. Конечно, можно сказать, - и справедливо, - что этот тезис как нельзя лучше характеризует методологию старшего поколения историков-позитивистов, стремившихся превратить историю в точную науку, по сути в естествознание³. Но в этом крике: "Тексты!" - слышится иная нота. Не просто к критике источников призывал знаменитый француз. Не просто обнаружил весьма понятное нам, прожившим фальсифицированную историческую жизнь, желание увидеть в истории "только то, что в ней на самом деле было"⁴, но и решительным образом удалять из истории прошлого современные идеи, занесенные туда ложной методою⁵. Он обнаружил болезнь XIX века, которой страдала Западная Европа. Эта же болезнь была диагностирована и в России начала XX в. Однако счастливо избежали ее опять-таки историки-"всемирники", главным образом исследователи средневековья, И.М. Гревс, О.А. Добиаш-Рожественская, Л.П. Карсавин, начавшие вводить в состав источников массу прежде неизучавшегося материала: историю письма, исповедальные книги и др., а в систему обучения - "методы немецких семинариев" с их "духом точного исследования и обычаем прикосновения к подлинному материалу"⁶.

Историки, изучавшие отечественную историю, с трудом одолевали болезнь Ранке-Фюстель де Куланжа. Это, к примеру, прекрасно понимал П.Н. Милюков, вслед за Ранке повторивший, что

¹ Ранке Л. *Об эпохах новой истории*. М., 1898. С.4.

² Бердяев Н.А. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Париж, 1955.

³ Гуревич А.Я. *Что такое исторический факт*. - *Источниковедение. Теоретические и методические проблемы*. М., 1969. С.62-63.

⁴ Fustel de Coulanges. *Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*. V.4. *La monarchie franque*. Paris, 1922. P.278.

⁵ Фюстель де Куланж. *История общественного строя древней Франции*. Т.3. *Французская монархия*. СПб., 1907. С.XVI.

⁶ Добиаш-Рожественская О.А. *Культура западно-европейского средневековья*. М., 1987. С.218.

историк - не судья, а история - не сюжет для патриотических умилений⁷. Милоков тем не менее при анализе государственно-исторической школы⁸ в русской историографии XIX в. как ее особое качество отметил склонность к общим отвлеченным понятиям, к механическому приложению "западных" выводов к фактам российской истории в ущерб исследованию источников.

Болезнь модернизации, диагностированная Ранке-Фюстель де Куланжем (и которая, по-видимому, является одним из свойств истории), в России протекала особенно тяжело.

Когда я еще только знакоилась с материалами, а они были самые разнородные, - от серьезных исторических исследований до газетных публикаций, - меня удивила и озадачила дореволюционная социально-политическая проблематика: она подчас дословно совпадала с той, что волнует наше поколение. Конечно, всевозможные совпадения во времени - большой соблазн для историка. Но совпадения могут быть поняты и так, что от прежней исторической ситуации мы унаследовали известную сумму нерешенных проблем, которые все еще живут в недрах общественного знания и время от времени всплывают на его поверхность, требуя своего разрешения заново и в новых исторических условиях. Проблемы эти таковы: либерализация страны, установление парламентаризма; упорядочивание крестьянского землепользования и введение частной собственности на землю (особенно остро обсуждался вопрос о ликвидации или сохранении общины, разных формах кооперации, аренды и т.д.); преимущественное развитие промышленности, необходимое для оттока в города избыточного сельского населения (окончательно эту проблему "решил", как известно, Сталин в 30-е годы). Ставились также вопросы об отмене смертной казни, цензуры, о регистрации обществ и собраний, подчинении бюрократии общественному контролю, о воспрещении в России казенной продажи водки и т.д. В 1900 г. рассматривался даже проект об отмене ссылки на поселение в Сибирь в качестве меры предохранения ценной русской окраины от ее "засорения" нежелательными элементами.

Добавим сюда и национальный вопрос, который стоял весьма остро ввиду великодержавной политики царского правительства относительно национальных окраин, особенно таких, как Польша или Финляндия, имевшая свою конституцию⁹.

⁷ Милоков П.Н. Юридическая школа в русской историографии. (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергеевич). М., б.г. С.81.

⁸ Слово "школа" в данном случае означает не единство метода, а некую общность идеи, положенной во главу исследования.

⁹ Особенный протест вызвал манифест от 3 (15) февраля 1899 г. о распространении в Финляндии русского воинского устава, на основании которого финские граждане могли быть отправлены к отбыванию воинской повинности в другие регионы империи, чего не было раньше. Причем за финским сеймом был признан лишь совещательный голос, в чем финский народ увидел "пренебрежение его конституционными правами". См.: Ольденбург С.С. 25 лет перед революцией, Вашингтон. 1981. С. 139-140.

Даже фразеология того периода в ряде случаев совпадает с нынешней. Один либеральный журнал, отмечая рост косвенных налогов и сборов с увеселений, иронизировал: "Как видите, нам *живется веселее*"¹⁰. Фраза эта, почти дословно повторенная в 30-е гг. по совершенно иному поводу, тем и знаменательна, что служила *пустым знаком связи* со старой Россией. Но вот еще один превосходный эпистолярный образец, напоминающий совсем близкие нам годы. "Получили мы с вами наследство в виде уродливого, криво выросшего дома, - писал Николай II генералу Бобрикову, - и вот выпала для нас тяжелая работа - *перестроить* это здание или скорее флигель его, для чего, очевидно, нужно решить вопрос: не рухнет ли он (флигель) при *перестройке*?" Далее приводится ответ почти словами современного лидера: "Мне думается, что нет, не рухнет, лишь бы были применены *правильные способы по замене некоторых устаревших частей новыми, по укреплению всех основ надежным способом*" (курсив мой. - С.Н.)¹¹. Для решения проблем сельского хозяйства в 1900-е годы создается *Особое совещание*, что читается ныне, после "чрезвычайки", как пародия. А на револьвере, из которого был произведен эсеровский выстрел в харьковского генерал-губернатора, была выгравирована надпись: "Смерть царскому палачу и *врагу народа*"¹².

"Ниточка-то тянется, господа", - как говорил один из героев Б.Окуджавы...

Сама постановка всех этих проблем оказалась возможной в начале века потому, что в России к тому времени сложились довольно мощные политические силы, образовавшие в некотором роде общественное мнение страны: *земство и либеральная интеллигенция*, оформившиеся в 1905 г. в партии октябристов и кадетов, или партию "народной свободы". Вместе с социал-демократами они долгое время создавали сильную оппозицию господствующему режиму, особенно кадеты.

Мне бы хотелось подчеркнуть значение именно кадетской партии, которой долгое время несправедливо приписывали сугубо негативную, контрреволюционную роль. Между тем вплоть до 1917 г. эта партия последовательно навязывала правительству политический и теоретический диалог о необходимости либерализации и осуществления демократических свобод в стране реформаторским путем (ибо на кровавый не была никогда ориентирована); именно с ее участием после Февральской революции 1917 г. был составлен манифест о гражданских свободах, без осуществления которых оказалось невозможным дальнейшее социально-экономическое развитие. В кадетскую партию входили интеллигенты самых разных классов и профессиональной принадлежности: ученые-естественники (В.И.Вернадский), адвокаты (В.Д.Набоков), часть земцев, сыгравших огромную роль в организации и упорядочивании имперской экономики - в частности, в появлении статистических данных - и в

¹⁰ Там же. С. 133.

¹¹ Там же. С. 138.

¹² Там же. С. 126.

организации общественного мнения. Огромную роль в кадетской партии играли историки. Историк стоял во главе ее - Павел Николаевич Милюков (1859-1943). Членами ее были историк Великой французской революции академик Н.И.Кареев, академик-античник М.Ф.Ростовцев, братья Ф.Ф. и С.Ф.Ольденбурги, медиевист И.М.Гревс, А.А.Корнилов, написавший труд о Бакунине, историк Великой французской революции А.А.Кизеветтер, М.М.Винавер, Г.В.Вернадский, специалист по всеобщей истории, основатель Высших женских курсов В.И.Герье и многие другие, составлявшие огромную часть университетской профессуры обеих столиц. Забегая вперед, можно сказать: историческая наука после победы пролетарской революции была обречена, ибо *политическое поражение кадетов автоматически вело к поражению выработанных ими исторических концепций.*

Наследие старой исторической школы.

В кадетской газете "Речь", которой руководил Милюков, в ежегоднике "Речи" помимо упомянутых выше ученых сотрудничали методолог и историограф А.С.Лаппо-Данилевский и историк-экономист М.И.Туган-Барановский. Ежегодник включал в себя проблематику внешней и внутренней политики России, крестьянский и рабочий вопросы, образование и статистику (чаще всего составлявшуюся обстоятельнейшим кн. Шаховским, одним из членов "братства", в которое входили Вернадский, Гревс, братья Ольденбурги). Внимательное их исследование позволяет отметить ту самую любопытную особенность русской науки, о которой говорилось выше.

Почти все упомянутые социально-исторические проблемы (сословного представительства, крестьянского землепользования, рабоче-крестьянского быта, кооперации, статистики, руководящей роли народа в истории, роли интеллигенции) мгновенно становились объектами исторического исследования. Интерес к парламентаризму вел к изучению сословных учреждений (П.Н.Милюков, С.Ф.Платонов, Н.А.Рожков), определение роли народа как движущей силы истории - к исследованиям по исторической психологии (Кареев, Карсавин), рост национального самосознания - к анализу истории культуры, интеллигенции (Милюков, Лаппо-Данилевский), рост забастовочного движения - к изучению уроков Великой французской революции (Кареев, Кизеветтер, А.И. Яковлев), проблема крестьянского землепользования - к истории общины, крепостного права (Яковлев). Национальный вопрос разрабатывался на фоне общественной ситуации, порожденной, с одной стороны, двумя войнами - русско-японской и первой мировой, а с другой - имперской политикой власти.

Вокруг национальной темы сомкнулся весь конгломерат вопросов, будораживших Россию. Сам факт существования интеллигенции как выразительницы общественного мнения в многоукладной огромной стране, объединенной только имперской властью, был по-

ставлен под вопрос именно в плане проблемы национального самосознания. С чего это началось?

В 1909 г. в Государственный совет от 9 губерний было избрано 9 поляков, притом что в некоторых из этих губерний польское население составляло лишь 2-3 %. Д.И.Пихно, редактор монархической газеты "Киевлянин", предшественник В.В.Шульгина, внес в Государственный совет проект о реформе выборов в верхнюю палату от Западного края, настаивая на уменьшении представительства в ней национального меньшинства. Этот проект, как отмечал обер-прокурор Синода кн. Оболенский, нарушал "основное начало нашей государственности", которое, по его словам, заключалось в том, что все народы равны перед царем, ибо он выше партий, национальностей, групп и сословий. К удивлению большинства Совета сочувственно отозвался о проекте Пихно председатель Совета министров П.А.Столыпин, определивший таким образом с мая 1909 г. новый принцип русского национализма, крайним выражением которого стал великодержавный шовинизм.

До того времени русское общество в основном чуралось национализма, понимаемого как идея превосходства одного народа над другим. В "Очерках по истории русской культуры" Милюков через процесс становления национального самосознания определяет *культуру*, а само понятие "национальное самосознание" практически синонимично у него обществу самосознанию, или - социально-психическим взаимодействиям определенных групп народа¹³. По Милюкову, процесс национального самосознания рождается тогда, когда общество начинает сознательно относиться к своим особенностям и отличиям от другого общества.

Практически мы сейчас обратили внимание на две особенности исторической мысли России: на ее исходную *идеологизированность*, при которой не идеи "растут из сора" событий, а сами события изменяют свой вид сквозь призму заданной идеологии; другой особенностью является то, что *идеи западничества* трансформируют современную проблемную текучесть в исторически же проблемный анализ.

На западнические мотивы в творчестве Милюкова обратили внимание уже его коллеги. Так, по Милюкову, русское общественное самосознание рождается не из преемства удельно-вечевых традиций. В его представлении, сама идея панрусизма, и, в частности, стремление Ивана III добыть "всю русскую землю, которая под королем польским", была подсказана московскому правителю немецким дипломатом Поппелем. При этом историк полностью игнорировал ситуацию борьбы народа с остатками татаро-монгольского ига¹⁴. К такому же навязыванию идеи историческому органическому процессу можно отнести и настойчивое подчеркивание Милюковым панрусизма Екатерины II.

¹³ См.: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1900; Пресняков А.Е. Первый опыт истории русского самосознания. СПб., 1901.

¹⁴ См.: Пресняков А.Е. Указ соч С.7.

Заслуга Милюкова состоит в том, что он отслеживал *истоки самосознания*, с какими бы странностями оно ни рождалось, и поставил *проблему самосознания* как культуры, наметив этапы его становления. Время Смуты - "первый пароксизм национального самосознания, первая широкая популяризация контраста между своим и чужим"; следующим этапом были реформы Петра I, носившие, однако, "формальный характер" из-за отсутствия "прочной культурной традиции" и "плотно организованных классовых интересов". Во время Елизаветы - третий этап - были созданы идеальные представления о целях и сущности нового просвещения. Но лишь с эпохи Екатерины II берут начало глубокие и плодотворные внутренние процессы национального самосознания, упрочившиеся в XIX в. Можно спорить с периодизацией и определениями Милюкова, однако важно другое: эта проблема явилась катализатором всего общественного мнения России начала века, равно как и *катализатором культурологического отношения к истории*. Книга Милюкова вышла в 1900 г., а с начала 1910-х друг за другом появляются работы Добиаш-Рождественской и Карсавина о культуре западноевропейского средневековья¹⁵.

Необходимость определения понятия "культура" особенно ярко заявлена Н.А.Бердяевым в книге "Смысл истории". Если Добиаш-Рождественская, Карсавин, а еще ранее Кареев обходились определением культуры как особого коллективно-психологического типа, как совокупности традиций, норм и обычаев, что вкупе с человеческими деяниями и поведением составляло, по их мнению, предмет истории, то Бердяев видел смысл истории в перспективе вечности, в "перспективе истории небесной", "в моменте извечной мистерии Духа"¹⁶. Поставив проблему онтологии истории, он, однако, свое понимание считал катастрофически недостаточным и потому приложил к книге, представлявшей собой записи лекций, прочитанных им в Вольной академии духовной культуры в 1919-1920 гг., статью "Воля к жизни и воля к культуре", написанную в 1922 г., которая была, по его словам, "очень существенна" для его "концепции философии истории"¹⁷. В ней сделана попытка *сопоставления того, чего не было в России*, - цивилизации ("воля к жизни"), *тому, чем Россия обладала* в бытке, - культуре, но уже понятой не как самосознание народов, не как коллективная психология, а как новая онтология, как "прорыв духа", новое качество жизни, способствующее возвращению к "началам", как к некоему "месту", где бродит творческое "сомнение в своих основах", разлагающее сами эти основы¹⁸.

К сожалению, у Бердяева это были лишь интуиции, но знаменательно другое. Нецивилизованной России предстояло (и еще

¹⁵ См., например, Добиаш-Рождественская О.А. *Церковное общество Франции в XIII веке. Приход. Пг., 1914. Ч.1; Карсавин Л.П. Культура средних веков. Пг., 1915.*

¹⁶ Бердяев Н.А. *Смысл истории. Париж, 1969. С. 248.*

¹⁷ Там же. С.6.

¹⁸ Там же. С.253, 255-256.

предстоит) решать *проблемы реалистичной, демократичной и механичной*, в определениях Бердяева, цивилизации, параллельно развивая культуру как альтернативу истории, как тот факт, который, в отличие от истории, не однократен, а обладает способностью многократного проигрывания в мысли, что, собственно, и дает основания для введения самого понятия альтернативы.

Разработка понятия культуры как инобытия истории должна была быть отложена в долгий ящик: обнаружившая себя к концу 1917 г. "воля к жизни" вынуждена была опереться на философию цивилизации (в ее преддверии) - экономический материализм, по природе техничный и обезличенный, в котором культура... - лишь функция надстройки, где "коллективный труд вытесняет индивидуальное творчество"¹⁹.

Постановка проблемы культурного самосознания сыграла и другую роль: уже в 1906 г., правда, всего лишь на год, была ликвидирована процентная норма для евреев при поступлении в университеты.

Другой характерной чертой русской исторической науки была ее *эклектичность, сущностная разорванность*. Практически все историки начала века прошли школу В.О.Ключевского (1841-1911), даже М.Н.Покровский, будущий марксист, которого в данном контексте лучше бы назвать антикадетом. Как уже говорилось выше, с понятием "историк-кадет" связана целая ветвь исторического знания, сопряженного с идеями государственности (Покровский в известном смысле был антигосударственник и сугубый интернационалист), права, национального самосознания, с углубленным изучением роли народа, экономики, интеллигенции и прочих проблем, но взятых - и в этом соль - в *отрыве* друг от друга, в *разорванности*, в их *хронологическом несовпадении*. Все это было у Ключевского, но его художественный талант заполнял логические лакуны там, где они возникали. Однако те же лакуны тем ярче зияли у его последователей.

"Последователи Ключевского" - а что, собственно, это значит? Дело в том, что Ключевский был одним из первых русских историков, если не первый, кто собрал воедино в своих курсах самый разнородный материал, обнаружив в историческом процессе в качестве *равноправных* движущих сил и могучую анонимную экономическую стихию, и народные массы, и личность, и государство, и власть, и право. Все это есть у Ключевского - и все базисно. Он мучительно ощущал разрыв между различными историями: историей экономической стихии, историей народа, историей государства, историей права, ибо обладал могучей *интуицией целостности истории*. "Наука русской истории, - писал он в дневнике 28 мая 1868 г., - стоит на решительном моменте своего развития. Она вышла из *хаоса* более или менее счастливых, но всегда *случайных, частных, бессвязных*, часто *противоречивых* взглядов и суждений. В ее ходе открылся основной *смысл*, связавший все ее главные явления, части, остававшиеся доселе *разорванными*. С этого момента и начина-

¹⁹ Там же. С.258.

ется развитие науки в собственном смысле, ибо только выработкой этого основного смысла явлений кладется прочное основание дальнейшей научной обработке подробностей²⁰. В чем же, однако, этот самый смысл? Казалось бы, дальше Ключевский приступит к его раскрытию. Дело не пошло дальше интуиции и отсылки к 29-томной "Истории России с древнейших времен" С.М.Соловьева (1820-1879), где в наиболее выраженном виде представлена *государственная-юридическая* точка зрения на историю как на развитие институтов власти от кровно-родственных союзов к государству.

Государственная традиция в исторических сочинениях восходит к Н.М.Карамзину (1766-1826), коренясь в особенностях самой Российской империи, собранной из разнородных государственных образований и обрушившей на мир мощную внешнюю экспансию в не-Россию, удержать которую, повторим еще раз, можно было только крепкой властью. Потому первые "истории" - не истории в собственном смысле слова. Это *истории государства Российского*, истории патриотизма, истории власти, по замыслу предполагающие не развитие, а стагнацию, мощь, державие. Заслуга последующей, перенесенной на российскую почву, немецкой исторической школы (Л.Ранке, Б.Г.Нибуэр) и немецкой классической философии состояла в том, что они поставили "на место государства, основанного на сознательном договоре, государство, естественно возникшее в инстинктивно-бессознательной природе человечества; на место личной воли законодателя, способной пересоздать природу человека, правовое сознание народной массы, исторически сложившееся и исторически меняющееся, на место космополитического представления о человечестве... идею национальности, составляющей одно органически живое целое и переживающей органический процесс развития" (См.: 7, с.81). История впервые приобретала характер *науки*, писал Милюков, понимая под этим естественнонаучное представление о взаимосвязи явлений. К началу века карамзинское представление об истории, понятой как "драма, смысл которой заключался в торжестве добродетели и наказании порока" (см.: 7, с.81), то есть *прагматический смысл* истории, или история Т.Н.Грановского, ориентированная *публицистически*, сменилась представлением об истории как о развитии, основанной на *причинно-следственных связях*, "приучившей, - как отмечал Милюков, - к идее закономерности и взаимной связи явлений", давшей первое "динамичное представление" об истории.

Такое представление оказалось чрезвычайно живучим и дожило до наших дней, надолго обеспечив провинциализм исторического знания.

Все же для либеральных историков начала века имела огромное значение постановка вопроса о *правовом сознании*, при которой история государства выступала в форме юридических институтов (например, договора), выступавших посредниками между государством и народом. Институты эти были нейтральными образова-

²⁰ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С.241.

ями, бесстрастно выполняющими законы, равные для всех. Поэтому Милюков все же на первый план выставляет историю законодательства и юридических институтов, которая, "навсегда избавив нас и от науки Погодина", "математически выверенной и стоящей над материалом", "и от философии славянофильства", дает возможность создания - в этом он следует за Ключевским - *целостного* представления "о взаимной связи явлений" (См.: 7, с.91).

Но и юридическое, как и причинно-следственное, представление об истории не дает знания о ней как об особой реальности, заключенной в единственном и неповторимом, конкретном факте-событии, вбирающем в себя всю полноту жизни, в котором происходит, по выражению Бердяева, "сращение бытия" и который одновременно есть факт исторический и метафизический.

Ведь к чему, например, ведет установление *иерархии причинности*? Государство может рассматриваться как причина права, экономика - как причина определенного типа государственности, национальное самосознание - как причина социально-психологических воздействий и т.д. В итоге единая история все равно распадается на ряд историй: государства, права, культуры. Ключевский, к примеру, сразу же после пассажа о целостности истории говорит о ее слагаемых: "История слагается из двух великих параллельных движений - из определения отношений между людьми и развития власти мысли над внешним фактом, т.е. над природой"²¹.

Не случайно концепция причинно-следственных связей в истории вызвала негативное отношение со стороны историков "всемирников" и прежде всего Карсавина, который движителем истории выдвинул идею развивающегося субъекта, существование которого покоится не на причинности, а на непосредственном переживании мира в целом²². Проблема смысла истории была к 1917 г. едва ли не проблемой номер один, понуждавшей историков к уходу из своей науки в философию (Кареев, Карсавин). Раздельно существующие, хронологически разорванные истории - отечественная и всеобщая - обеспечили возможность жертвоприношения одной из них во имя любой другой, жертвоприношения, которого вскоре от них потребует новая власть. Ту же возможность обеспечил и теоретико-методологический идеологизм, осознанный, но не преодоленный исторической мыслью и допускавший смену исторических схем.

На все упомянутые выше особенности исторического знания наложился и *общинтelligentский кризис*. Здесь также большую роль сыграла партия кадетов как партия именно интеллигентов. Она сформировалась, когда на политической арене действовали не столько партии, сколько союзы оппозиционно настроенных людей одной профессии: инженеров, ученых, писателей, земских деятелей, которые к началу революции объединились в "Союз союзов" во главе с Милюковым. В октябре 1905 г. кадеты, диктуя свою волю правительству, начали с утверждения - и в этом видны веские основания считать их партией историков - государственно-юридических

²¹ Там же. С.242.

²² Карсавин Л.П. *Философия истории*. Берлин, 1924.

принципов, видя во власти фундамент для создания правовой демократической системы, способной изменить хозяйственную и политическую жизнь страны. Поражение революции 1905-1907 гг. заставило интеллигенцию, имевшую в России особый статус, пересмотреть свои принципы.

Первую русскую революцию ныне узаконено считать генеральной репетицией Октября, постоянно упуская из виду, что у истоков ее были земские либеральные идеи, а подогрета она была не только общим кризисом самодержавия, но и общеинтеллигентской идеологией, основанной на "безусловном примате общественных форм", по сути отвергавшем "понятия личной нравственности, личного самоусовершенствования, выработки личности" (См.: 7, с.47).

Сила интеллигенции к началу века была огромна. Это отмечали даже люди, близкие ко двору и не разделявшие ее либерально-демократических установок. Когда, например, в 1895 г. умер Н.С.Лесков, которого в то время считали сторонником охранительной системы самодержавия, радикальный "Мир божий" написал: "Мы считаем за лучшее не высказывать своего мнения, следуя правилу: о мертвых или хорошо, или ничего". Но и "Русская мысль", с которой Лесков сотрудничал, посчитала, что "для всесторонней и беспристрастной оценки не наступило еще благоприятного времени". "Такова была в те дни сила интеллигентского остракизма", - комментирует это событие С.С.Ольденбург (См.: 9, с.53).

Правда, то, о чем пойдет речь ниже, имеет в виду скорее интеллигенцию ее *конца*, а не *кануна*. Ибо только "накануне" и происходила у интеллигента концентрация всех сфер духовной деятельности, при которой одновременно взвинчивались нравственные усилия. Звучит несколько парадоксально, но можно сказать, что собственно *интеллигенция была, пока ее не было*. Потом началось вырождение. С.С.Ольденбург, которого трудно заподозрить в симпатиях к этой части населения 1900-х, к интеллигентам относит и вышие литературно-философские круги, разночинцев, земцев, и то, что он называет "интеллигентным пролетариатом", а Д.П.Святополк-Мирский - "полуграмотным интеллигентом", считающим "своим долгом отрицать семью и религию, пренебрегать законом, но повиноваться власти и глумиться над ней" (См.: 9, с.141, 159).

При отсутствии представительных учреждений в России долго не было организованной политической деятельности. Русская интеллигенция и отличается от западных интеллектуалов тесной "завязанностью" на политическую деятельность. Были и другие отличия. Западные интеллектуалы - это прежде всего люди умственного труда и интеллектуальной честности. Русским же интеллигентом почитался, как писал Бердяев, не всяк занятый умственным трудом, но всяк обладающий "особой" моралью и неким обязательным мирозерцанием (См.: 2, с.17-19). И прежде всего интеллигенция была именно группой, слоем - о чем свидетельствует и само ее собирательное название, - совокупностью людей, объединенных общей *идеологией*, главным образом идеологией *социальной*, разры-

вавших с сословным бытом и традициями, но тем сильнее спаянных партийной принадлежностью. По условиям русского политического строя, как он сложился к 1906 г., интеллигенция была оторванной от реального социального дела. И это сознавал не только Бердяев после поражения первой русской революции. Кн. Э.Э.Ухтомский в книге "К событиям в Китае" писал: "...мы от прогрессирующей безличности и некультурности нашего живущего миражами интеллигентного слоя теряем политическое чутье..."²³.

Такого рода оторванность от реального дела способствовала развитию в интеллигенции "социальной мечтательности" (Бердяев) или излишней "теоретичности" (Милюков). В самодержавной России возникали радикальнейшие политические и научные идеи, не всегда согласованные с действительностью. "Привозная с Запада наука долго оставалась бесплодной для русской жизни, потому что встретила с житейскими понятиями и порядками, совсем чуждыми этой науке, и ... перерабатывала их по-своему, оставаясь нарядной и бездеятельной роскошью отдельных умов", - отмечал Ключевский (См.: 20, С.313). То, что на Западе было научной теорией, гипотезой или относительной, частичной, не претендующей на всеобщность истиной, у русских интеллигентов превратилось в догматику, вторил ему Бердяев. С.С.Ольденбург писал, что против тех, кто не соглашался с какими-либо общими установлениями, "интеллигенция применяла... орудие морального террора и клеветы: рядовой интеллигент был глубоко убежден, что те, кто не разделяет его воззрений, либо подкупленные, бесчестные личности, либо, в лучшем случае, люди не совсем нормальные" (См.: 9, с.209).

Но сугубо подозрительно и догматически относились и к самым, казалось бы, абстрактным идеям. Так, многими историками и социологами идея прогресса была понята как результат чисто *безличной* эволюции, совершающейся помимо каких бы то ни было усилий со стороны человека и идущей совершенно фаталистическим путем. В свое время именно на подобную трактовку прогресса обратил внимание Кареев, обнаружив в ней одну из болевых проблем русской исторической мысли: ведь историки, имея непосредственное общение с источниками и документами, необычайно чувствительны к *личностному* воздействию на историю, к ее творческим возможностям и т.д., чтобы безоговорочно согласиться с мыслью, будто "всякое действие человека, направленное на общественные цели, не может иметь никакого значения"²⁴. Это написано в 1890 г. и написано с недоумением. Тем не менее в послеоктябрьскую большевистскую политику эта проблема вошла именно в такой трактовке. "Революция, - писал в 1922 г. Карев, ученик Бухарина, - ...творится из наличного человеческого материала, в котором, ко-

²³ Ухтомский Э.Э. *К событиям в Китае*. СПб., 1900. С.77.

²⁴ Кареев Н.И. *История с философской точки зрения*. - Кареев Н.И. *Собр соч*. Т.1. СПб., 1912. С.70.

нечно, много шлака с точки зрения будущего, чтобы дать простор будущим поколениям в строительстве лучшей жизни"²⁵.

Конечно, становление такой, революционной, интеллигенции было своего рода защитой от крайних форм самодержавия, которые сложились в России к середине XIX в. (здесь мы согласны с Бердяевым) и которые, что самое главное, привели интеллигенцию к *пренебрежению* народом, от имени которого она выступала, и к оторванности ее от этого самого народа. "Мы не люди, а калеки", - горестно констатировал М.О.Гершензон в "Вехах". И там же: "Русский интеллигент - это, прежде всего, человек, с юных лет живущий вне себя... т.е. признающий единственно достойным объектом своего интереса и участия нечто лежащее вне его личности - народ, общество, государство. Нигде в мире общественное мнение не властвует так деспотически, как у нас, а наше общественное мнение уже три четверти века неподвижно зиждется на признании этого верховного принципа: думать о своей личности - эгоизм, непристойность; настоящий человек лишь тот, кто думает об общественном, интересуется вопросами общественности, работает на пользу общую. Число интеллигентов, практически осуществляющих эту программу, и у нас, разумеется, было ничтожно, но святость знамени признавали все, и кто не делал, тот все-таки платонически признавал это делание и тем уже совершенно освобождался от необходимости делать что-нибудь другое, так что этот принцип, превращающийся у настоящих делателей в их личную веру и тем действительно спасавшей их, для всей остальной огромной массы интеллигентов являлся источником великого разврата". И последнее: "Мы для него (народа. - С.Н.) - не грабители, как свой брат, деревенский кулак, мы для него даже не просто чужие, как турок или француз; он видит наше человеческое и именно русское обличие, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно... *Каковы мы есть*, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом - бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной"²⁶. Будущее показало справедливость этих слов.

Конечно, любой интеллигент испытывал вину перед народом, он согласен был на любую жертву ради него. Но он и его согласен был принести в жертву. При убийстве министра внутренних дел Плеве был убит его кучер и ранено 10 человек, среди них трехлетняя девочка. Когда в 1900 г. возник конфликт на границе с Китаем, то жители Благовещенска не выдержали на практике линию "русско-китайской дружбы", провозглашавшуюся в то время. Они собрали всех "желтых" на берегу Амура и велели им вплавь переправляться на маньчжурский берег. Несколько сот китайцев утонуло. *Местная же интеллигенция одобрила эти "патриотические" репрессии*, о чем с негодованием сообщала столичная либеральная печать. По свидетельству Кистяковского, "русская интеллигенция

²⁵ "Под знаменем марксизма". 1923. № 10. С. 89.

²⁶ Гершензон М.О. Творческое самосознание. - "Вехи". М., 1990. С. 74-75, 91, 92.

никогда не уважала права... При таких условиях у нашей интеллигенции не могло создаться и прочного правосознания..."²⁷. Это-то *внєнравственное отношение к историческому процессу и стало одной из важнейших причин кризиса интеллигенции.*

Проблема "интеллигенция и народ" - специфически российская: в результате экспансии на восток, начавшейся еще в XVI в., русская народность рассеялась по просторам имперской громады, поставив под вопрос самую возможность общественного мнения. На Западе со сравнительно небольшими по территории странами не могло быть специфической для России темы связи интеллигенции и народа. Там изначально было *право*, сословная взаимосвязь, иерархические обязательства и равенство перед законом. У нас же эта связь могла осуществляться с помощью либо власти государства, либо интеллигентской власти духа, но в любом случае *власти*. В этом и состояла особенность русского духовного развития. Власть была знаменателем разностилья и многоукладья российского гиганта. Потому впоследствии и оказалась так близка революционным интеллигентам идея абсолютизации власти как демиурга исторического процесса. Но когда это случилось, понятие революционной интеллигенции теоретически обесмыслилось: прилагательное, непременно связанное с идеей насилия (пусть и во имя общего блага) в процессе революции "съедает" существительное, субстанционально тождественное духу, творческому началу.

Однако проявленные в перспективе все упомянутые характеристики интеллигенции как слоя, к которым, впрочем, надо добавить еще и антисемитизм, развившийся у некоторой ее части²⁸, привели к ее жесточайшему внутреннему кризису, имевшему следствием тот факт, что *как слой, как некая совокупность единомышленников, она перестала существовать.* Тому причиной и аморализм поли-

²⁷ Кистьяковский Б.А. В защиту права. - "Вехи". С. 102.

²⁸ "Русская интеллигенция, - писал кадет В. Струве, - обесцвечивает себя в российскую...так же, как не следует заниматься обрусением тех, кто не желает "русеть", так же точно нам самим не следует себя "оброссивать". В тяжелых ситуациях последних лет вырастает наше национальное русское чувство... Не пристало нам хитрить с ним и прятать наше лицо" ("Слово", 1909 г., 10 марта). В литературном журнале "Весы" Андрей Белый выступил в 1909 г. со статьей против засилья нерусских элементов в литературе. "Главарями национальной культуры, - писал он, - оказываются чуждые этой культуре люди... Чистые струи родного языка засоряются своего рода безличным эсперанто из международных словечек... Вместо Гоголя объявляется Шолом Аш, провозглашается смерть быту, учреждается международный жаргон. Вы посмотрите на списки сотрудников газет и журналов в России: кто музыкальные, литературные критики этих журналов? Вы увидите сплошь имена евреев...лишущих на жаргоне эсперанто и терроризирующих всякую попытку углубить и обогатить русский язык" (Цит. по Ольденбург С.С. 25 лет перед революцией. С.432-453). Подобные высказывания были позором и в известном смысле крахом интеллигентского слоя, однако сегодня они прочно вошли в арсенал "Памяти", равно как и термин "жидомасоны", которым обозвал правительство Николая II иеромонах Илиодор (См.: Ольденбург С.С. Указ. соч. С.455)

тического поведения разных ее групп, и отсутствие некой общей идеи, кроме "блага народа", которое, как выяснилось, каждый понимал по-своему. Идеи же общей и быть не могло, поскольку многие из тех, кто примеривал себя на интеллигентность, ощущали себя прежде всего личностями, которые не могут подчиняться узкопартийным интересам.

"В то время очень хотели преодолеть индивидуализм, и идея "соборности", соборного сознания, соборной культуры была в известных кругах очень популярна, - писал Бердяев. - ...Художники-творцы не хотели оставаться в свободе индивидуализма, оторванного от всенародной жизни. То было время очень большой свободы творчества, но искали не столько свободы, сколько связанности творчества. Этим компенсировала себя культурная элита... оторванная от народной жизни... Но никто из творцов той эпохи не согласился бы на ограничение свободы своего творчества во имя какого-либо реального коллектива"²⁹. Сегодня очевидно, что Бердяев обозначил не столько реальное, сколько желаемое состояние дел - послеоктябрьская история пестрит примерами подобного ограничения не только по злой, но и по доброй воле.

Но самой постановкой проблемы личности интеллигенция практически исчерпала себя как цельное сословие. В 1917 г. вряд ли к ней можно отнести характеристики 1905 г. *Интеллигенция превратилась в интеллигентов* - в каждого отдельного интеллигента. Со своей моралью. Со своей историей. Со своим представлением об истории. Объединенных друг с другом только прежним интеллигентским зарядом - жертвенностью по отношению к народу. Эта жертвенность, усугубленная чувством вины перед народом, облегчила в дальнейшем жертву убеждениями.

Первая смена парадигм: экономическая история.

Описанная ситуация исторической мысли, *напряженность политической атмосферы, обусловившая слишком поспешный переход решаемых социальных проблем внутрь исторического исследования, сосуществование разных историй при отсутствии единой, общинтеллигентский кризис, - все это привело к ослаблению догматства истории как особого знания, подготовило ее идейное грехопадение*. И действительно: если история и то, и это, да еще развиваемое разными темпами, то одной можно пожертвовать во имя другой, например, политической историей во имя экономической. Медленно развивавшиеся, не связанные друг с другом профессиональные "истории" с 1917 г. по 1937 г. приобрели характер бурного столкновения между собой, которому к тому же была придана непосредственная политическая выразительность.

Ведь казалось, что после победы революции первенствующее место должна была бы занимать экономическая история, которая

²⁹ Бердяев Н.А. Самопознание. - Бердяев Н.А. Собр.соч. Т.1. Париж, 1989. С. 173.

была призвана "вышибить раз и навсегда сладенькую легенду субъективной идеологии...чтобы проложить дорогу хотя бы элементарно научному познанию истории"³⁰. В огромной мере так оно и было. С одним только "но". За показной королевской значимостью экономической истории стояла тень серого кардинала политики. Впрочем, и это не совсем точно, если вспомнить общеполитическую настроенность на мировую революцию: мы начали, Германия завершит. Что это значило? То, что в истории того времени как бы соединились два "магдебургских полушария", две карты - *экономическая и политическая*. Подразумевалось: мы неразвиты экономически, но сильны политически; Германия же сильна экономически, следовательно, впоследствии, после мировой революции, она и будет развивать экономическую историю. Имелась в виду "наша" политика в расчете на "ту" экономику.

Но для решения этой задачи нужны были и статистика, и демография, для чего пригодилась старая школа, от которой осталось умение работать с источниками: их анализ, непререкаемость оригинала, скептицизм ко всякой тенденции. Остались школы и темы, требовавшие развития и при новой власти. Вслед за М.М.Ковалевским Кареев, продолжавший исследования, как уже упоминалось, по истории Великой французской революции, передал эстафету своему младшему современнику Е.В.Тарле; А.Н.Савин изучал историю Английской буржуазной революции XVII в. Их цель - попытаться отвратить Россию от этого пути, избежать Реставрации и Пугачева одновременно. Н.П.Павлов-Сильванский, А.С.Лаппо-Данилевский, С.Ф.Платонов оставили труды по истории русского феодализма и истории культуры XV-XIX вв. А.А.Корнилов и А.А.Кизеветтер начали традицию исследования революционных движений. Неонародническую линию вели А.А.Кауфман, один из организаторов и лидеров кадетской партии, и В.И.Семевский. М.К.Любавский занимался историей России и Литвы до XVI в., С.Ф.Платонов - Смутным временем. Их труды и подготовка пригодились для нового государства. Но прежде всего - политика, что соответствовало, как пишут редакторы образованного в 1926 г. журнала "Историк-марксист", "ленинскому пути". А это уже требовало конкретных мер. Необходимо было сменить угол зрения на проблему человека и определить *идеал нового человека*. Ясно, что таким *идеалом стал пролетарий*.

Поскольку любая революция начинает отсчет с себя, первые ее действия связаны с ликвидацией враждебных классов, а первые идеологические решения - с ликвидацией прежней "надстройки", куда по определению входила интеллигенция. Общественный до-смотр был такой силы, что даже студенчество, исконный рассадник передовых идей, рассматривалось как контрреволюционная сила. "Оно как целое *не поняло* точку зрения пролетариата и вместе с классом, осколком которого... являлось, ушло все далее...пока, наконец, в октябре 1917 г. не оказалось в массе по ту сторону баррикад - злейшим врагом пролетарской революции и коммунизма, -

³⁰ "Историк-марксист", 1926 г., № 1. С.8.

писал в журнале "Под знаменем марксизма" В.Вагинян. - Старое студенчество этим лишь показало, что его время давно прошло и что пришло время ему уступить место новому студенчеству, которое станет на точку зрения рабочего класса... Такой студент уже пришел, это рабоче-крестьянская молодежь... Это "пролетарское студенчество", которое и есть "новый человек"³¹. Без устоев, без знаний, но обуреваемый жаждой построить столь же "новый мир".

Таким образом, изначально *столкнулись* - лоб в лоб - *кадетско-профессорская выучка, умение, знание истории и - отношение к ней как к предыстории* (история впереди!), как к тому, что можно знать *схематично, приблизительно*. Иногда обе позиции парадоксально сочетались в одном лице, например, в начальнике от истории Покровском.

Декретом 2 августа 1918 г. был нанесен удар по кастовости вышедшей школы набором в вузы рабоче-крестьянской молодежи. Вследствие такой демократизации был недобор студентов на юридический и историко-филологический факультеты. Деяността профессорам из девяности девяти была назначена перееаттестация, в результате которой из университета были уволены преподаватели-кадеты, не желавшие отказываться от принципов своей партии. Остальные вынуждены были пересмотреть свои позиции.

С 1919 г. изменилась структура гуманитарных факультетов. Декретом от 28 декабря 1918 г. в университетах были основаны так называемые ФОНы, факультеты общественных наук, с тремя отделениями: экономическим, юридически-политическим и историческим. С 1921 г. старую профессуру постепенно сменяла группа впоследствии влиятельных ученых, таких, как Н.М.Дружинин, К.К.Зельин, С.Д.Сказкин, Б.М. и Ю.М.Соколовы, В.П.Волгин, И.Д.Удальцов, Ю.В.Готье, А.Н.Савин, В.А.Городцов, В.И.Пичета, Е.А.Косминский, А.И.Яковлев. Затем преподавателей начинает поставлять Институт Красной Профессуры (ИКП), образованный в 1921 г. и просуществовавший до 1936 г. Среди них будущие акад. А.М.Панкратова и член-корр. АН СССР М.С.Нечкина. И хотя некоторые профессора в 1922 г. были высланы из России, все же в университетах одновременно с "молодежью" оставались и старые ученые, в частности, Н.А.Рожков, отошедший от большевизма после революции 1905 г., но о котором даже в 1927 г. Покровский в некрологе писал, что "марксистом он сделался"³². Рожков оставил многотомную историю России, включенной во всемирно-исторический процесс. Впоследствии его все же назовут "врагом ленинизма".

До 1921 г. университетские программы в основном составлялись из старых курсов, исторический материализм еще не был предметом изучения, почти не читалась экономическая политика Советской власти. Один из преподавателей ФОН меньшевик Б.И.Горев подменял в лекциях понятие диктатуры пролетариата понятием дикта-

³¹ "Под знаменем марксизма", 1922, № 1. С.8.

³² Покровский М.Н. Н.А.Рожков. - "Историк-марксист", 1927, Т.4. С.180.

туры большевистской партии³³ и выступал против включения в программу по историческому материализму разделов, посвященных марксистко-ленинской философии.

С 1921 г. ФОН расширился: к прежним экономическому, правовому, историческому, или, как его называли - общественно-педагогическому отделениям добавились статистическое, внешних отношений и художественно-литературное. В 1922 г. в рамках ФОНа было открыто отделение археологии. Целью всех этих преобразований было приспособление высшего образования к нуждам Советской власти, давшееся между тем не так-то просто: красный флаг над Московским университетом был поднят лишь в 1922 г. Однако в 1925 г. ФОН ликвидируется. Вместо них создаются два новых гуманитарных факультета - этнологический (с тремя отделениями - историко-археологическим, этнографическим, литературы и изобразительного искусства) и советского права. В Ленинграде образуется так называемый Ямфак - факультет языка и материальной культуры.

Уволенные университетские профессора нашли себе пристанище в различных ассоциациях и институтах, которые во множестве организовывались в 20-е гг. Гуманитарные институты объединились в отраслевую беспартийную ассоциацию РАНИОН, находившуюся с 1924 г. в ведении Наркомпроса и готовящую аспирантов, которых не было на соответствующих факультетах в университетах. После революции действовало несколько археографических комиссий, с 1921 г. в составе Академии наук, слившихся в 1926 г. с Постоянной археографической комиссией, переименованной в 1928 г. в Археографическую комиссию, во главе которой стоял Платонов. В 1918 г. была образована Социалистическая, затем Коммунистическая академия, ликвидированная в 1936 г. С 1926 г. действовала Русско-византийская историко-словарная комиссия, комиссия по исследованию труда, профессионального движения в СССР, юношеского движения в СССР и ВЛКСМ, по изданию документов эпохи империализма при ЦИК СССР, по истории Октябрьской революции и истории коммунистической партии. Создано несколько институтов: в 1918 г. - Ростовский-на-Дону археологический институт, Азиатский музей, впоследствии преобразованный в Институт востоковедения АН СССР; в 1921 г., помимо упомянутого ИКП, - Институт Маркса и Энгельса, в 1931 г. слитый с организованным в 1924 г. Институтом Ленина (ИМЭЛ); в 1928 г. - Институт изучения буддийской культуры, просуществовавший, правда, всего лишь два года, где работали знаменитые востоковеды Ф.И.Щербатской,

³³ Эта точка зрения в то время не была единичной. В.М.Бехтерев в книге "Коллективная рефлексология" (1921) писал, что революция, пришедшая к большевизму, превратилась "из общенациональной в партийную революцию пролетарских масс". И далее: "Со временем, однако, и большевизм начинает разочаровывать массы, частью вследствие неосуществления обещанного мира, в особенности же ввиду недостатка продовольствия, тяжелой промышленной, экономической разрухи и неизбежно наступающего в стране голода" - "Под знаменем марксизма", 1922, № 3. С.58.

С.Ф.Ольденбург, М.Т.Тубянский; в 1922 г. - несколько краеведческих институтов, впитавших в себя основную массу историков: достаточно сказать, что краеведением и экскурсоведением занимались такие замечательные историки, как Гревс, основатель прославленной школы историков-"всемирников", из которой вышли Добиаш-Рождественская, Карсавин и его ученик Н.П.Анциферов.

Вторая смена парадигм: история классов и классовой борьбы.

Однако параллельно созидательной научно-организаторской деятельности шло последовательное насаждение марксистской идеологии, или того, что принято называть марксистской идеологией, чем и был задан вполне определенный - роковой - тон всему процессу новой истории. Под этим словом - роковой - я подразумеваю не репрессии: в 20-х и даже начале 30-х гг. в них было много личного, не связанного с какой-либо планомерной политикой элемента; и даже не ссылку в числе 200 профессоров Винавера, Кизеветтера, античников Ф.Ф.Зелинского и Ростовцева, эмиграцию Милюкова, Г.В.Вернадского и др. Я имею в виду, что *на место плюрализма идей и историй проектировалась одна идеология* и одна (не равно-единая) *история*, притом даже не просто экономическая - это было бы слишком широко, ее нужно было полагать как тенденцию, - а *история классов и классовой борьбы*, переданная не через смену формаций (к разработке этой идеи подойдут лишь в 30-е годы), но через *снятие особенностей исторического процесса*.

Возглавил такую историю в качестве заместителя наркома просвещения Покровский (1858-1932), принадлежавший к младшему поколению учеников Ключевского и медиевиста П.Г.Виноградова. Он был столь же искренним большевиком, сколь истинным антикадетом. Тут дело даже не в обилии статей против Милюкова с уничижительными определениями типа "линялая курица", "петушинный хвост", "гунявое воззвание". Его принципами были убежденные антигосударственность и интернационализм (в противовес кадетской опоре на государство и национальное самосознание). Как верный страж революции, Покровский должен был поддерживать и ее схемы, тем более казавшиеся своевременными, что в университеты пошли абсолютно неграмотные студенты, спешно проходившие трехгодичное обучение на рабфаках. Желание быстрее обучиться азбуке марксизма (снизу) и желание получить свои марксистские кадры (сверху) породило невероятный дилетантизм в науке. Теория прогресса усваивалась в наихудшей своей форме - в форме слепых законов истории, признанных естественными законами, которые могли быть сформулированы физикой, химией, психологией или политэкономией. "Развитие человечества от эпохи первобытного общества к капиталистическому обществу, - писал "Историк-марксист" - главная наша задача. История развития общественных форм исследует этапы, общие всем народам, независимо от некоторых характерных отличий (то есть независимо от

того, что составляет сущность исторического процесса. - С.Н.). В ходе исторического развития каждого из этих народов есть общие черты, отличающие развитие общественности у них в одни и те же совершенно схожие формы³⁴, что делает необязательным изучение всемирной истории как единства, обеспечивающего связь народов, единства сознания через разнообразие фактов, - достаточно истории одной, отдельно взятой страны, представляющей некую общественную идеализацию. Политическая цель, направленная на построение социализма в одной, отдельно взятой стране, искала и обрела идеологическое (по форме - историологическое) обоснование.

Этим общим чертам обучались на двух-трехмесячных курсах пропагандистов и агитаторов, партработников, которыми по сути являлся до 1921 г. Коммунистический университет им. Я.М.Свердлова, и на заочных курсах по определенным планам, так называемым Стандартам.

Один из главных Стандартов Всесоюзного ленинского коммунистического университета предназначался для изучения истории революционного движения в Европе. Строился он так: вначале давалось ленинское определение классов и наименования основных классов в разные исторические периоды. Затем шло определение истории как истории классов и классовой борьбы. Далее по Стандарту следовало сопоставление Великой французской буржуазной революции и Великой пролетарской революции на классовой основе: первая обеспечила возможность капиталистического развития, вторая уничтожила его, причем преподавание велось так, как если бы русская революция являлась логическим продолжением французской - без какого-либо национального своеобразия, при игнорировании даже ленинских трудов о развитии капитализма в России. Единственное условие - выстроить цепь неповторяющихся событий. Так, например, в первые годы революции НЭП некоторыми историками рассматривался как "русский термидор". Такого рода повторы считались неубедительными. Нужно было построить систему рассуждений, где они были бы невозможны. Скажем, так: в России созданы условия для социалистического развития и перехода к бесклассовому обществу, о чем-де свидетельствуют успехи социалистического строительства, выполнение пятилетки в четыре года, что "решительно опровергает как контрреволюционную басню троцкистов о русском термидоре, так и взгляды русских уклонистов"³⁵. И так далее.

По подобной схеме строились и другие Стандарты. Литературой обыкновенно служил учебник Покровского - четырехтомная "История России и народов СССР" (для выдающихся студентов), для прочих - его же "Русская история в самом сжатом очерке", доведенная до 1905 г. "Последующий период благодаря важности его и отсутствию марксистски выдержанных учебников, - написано в сборнике рабочих заданий Свердловского городского вечернего ком-

³⁴ "Историк-марксист", 1927, Т.6. С.202.

³⁵ Всесоюзный Ленинский Коммунистический университет, заочный сектор. 1933. С.3.

мунистического университета, вышедшем в 1933 г., - изучается исключительно по классикам марксизма-ленинизма, Ленину и Сталину". Маркс и Энгельс не рекомендованы в качестве обязательной литературы. Учебник Покровского можно было заменить учебником Н.Н.Ванага "Краткий очерк истории народов СССР". В последующие репрессивные годы в Стандартах появились следующие рекомендации: "От использования учебника "История классовой борьбы" Бочарова необходимо воздержаться, т.к. в нем есть много неточных формулировок, упрощенства и даже искажений ленинского понимания исторического процесса... В крайнем случае, если нет литературы, использовать, но с указанием и критикой ошибочных мест"³⁶.

Курс, как правило, начинался с истории феодально-крепостной России, крестьянских войн XVII-XVIII вв. с прямым переходом к разложению системы крепостного права и реформам 1860-х годов.

Таковы были краткие схемы. Идеологические установки стремились заполнить все поры жизни; опасность подобной идеологизации осознавали и историки-марксисты. В журнале "Под знаменем марксизма" в 1922 г. возникла целая дискуссия "Об идеологии", где В.В.Адоратский (1878-1945) пытался вернуть этому понятию, как ему казалось, изначально марксистский смысл. Маркс и Энгельс, писал он, называют идеологией "те мысли, которые оторвались от связи с материальной действительностью, утратили сознание с этой связью, отражают эту действительность неправильно, в перевернутом виде и не отдают себе отчета в этой неправильности. С идеологией Маркс и Энгельс воюют, их метод диалектического материализма является как раз тем оружием, которое производит радикальную революцию в мышлении и разрушает "идеологическую" точку зрения"³⁷. Ужас Адоратского перед "оторвавшимся мышлением" заставили В.Румия сделать вполне сознательные шаги к тому, чтобы подправить своих наставников, под знаменем которых он и отстегал Адоратского. По его убеждению, определение, данное последним, "есть не что иное, как попытка возвести в принцип, путем талмудических изысканий и выискиваний словесных условностей, неровностей наших учителей"³⁸, ибо то, что есть извращение с точки зрения одного класса, не является таковым с точки зрения другого, в данном случае - пролетариата³⁹.

Но несмотря на успехи идеологии сам Покровский ополчился против схем, прекрасно понимая опасность любой из них. Возражая Л.П.Мамету, предлагавшему исключить из курса истории первобытно-общинный строй, он писал в т.4 "Историка-марксиста" за 1927 г.: "Чем отличается человек исторически образованный от человека исторически невежественного? Тем, что у первого есть некоторая сетка в голове, некоторые перспективы, и эта сетка позволяет

³⁶ *Свердловский городской вечерний коммунистический университет. История России и народов С.С.С.Р. Сборник рабочих заданий. 1933, март. С.1.*

³⁷ "Под знаменем марксизма", 1922, № 11-12. С. 199.

³⁸ Там же. С. 229.

³⁹ Там же. С. 230.

ему ориентироваться в этих границах". Первобытная история, хотя она и не есть история классово-борьбы, помогает понять, что "человек, выйдя из пещеры, не мог сесть на трамвай и поехать"⁴⁰. Собственную книгу Покровский рассматривал как "схему для людей, знающих историю Костомарова, Соловьева, Ключевского". В этом случае она является лишь "марксистским обобщением", а не заменителем знания⁴¹.

Но это - одна сторона деятельности заместителя наркома просвещения, где он как бы спохватывается, как бы вспоминает о сущности исторического метода. С другой же стороны, где Покровский выступает как лицо официальное, он лично предлагает выстроить историю в единый хронологический ряд не по традиционным рубрикам - страноведческим - а по типам производства и производственных отношений. "Исторические рубрики, к которым мы привыкли, - говорил он на первой конференции историков-марксистов, состоявшейся в 1927 г., - невероятно устарели. Их родоначальниками были если не прямо гуманисты XV-XVI вв., то в лучшем случае историки начала прошлого века. Даже не говоря о точках зрения... самый материал так разросся и усложнился, что в традиционные рубрики он никак не влезает... Верх нелепости относить феодализм к каким-то средним векам, когда все знают, что он существовал за тысячелетия до этого (это говорит историк с выучкой Ключевского и Виноградова! - С.Н.) и существует поднебесь в целом ряде стран, причем количество людей, живущих под властью феодального режима сейчас раз в 20 больше населения феодальных стран Европы XI или XII столетия. В какие общепринятые хронологии уложить культуры центральной и южной Америки, типовое сходство которых с культурами древнего Востока бьет в глаза? Мысль о том, что эти культуры в родстве, не кажется специалистам дикой, их не пугают 20 000 км расстояния и два океана, отделяющие одну от другой. Только они находят, что древнеамериканские культуры старше переднеазиатских. А школьный курс начинает говорить об Америке лишь со второго тысячелетия христианской эры"⁴².

Из последних строк очевидно: развитие этнологии дало свои плоды, сравнительно-исторический метод, который предлагал в свое время Кареев и английский ученый А.М.Хокарт, обрел право гражданства и в нашей стране⁴³. И связано это с именем Покровского. Но... Ясно и другое: Покровский предлагает некий инвариант развития, что практически снимает историю как особый тип знания с неповторяющимися, необратимыми событиями. *История определенным образом сакрализуется, превращаясь в священную социалистическую историю со своими мифами и легендами.* Трагедия историологии Покровского в том и состоит, что, познав вкус яблока

⁴⁰ "Историк-марксист". Т.4. С. 196.

⁴¹ Там же.

⁴² Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930. С. VIII.

⁴³ Артур Хокарт и сравнительный метод в этнографии. - "Природа", 1985, № 1. С.32.

с древа исторического познания, он сознательно идеологизирует и схематизирует самый исторический процесс. "Мы поняли - чуть-чуть поздно, - что термин "русская история" есть (далее обратим внимание на терминологию. - С.Н.) контрреволюционный термин, одного издания с трехцветным флагом и "единой, неделимой", ... история казанских или крымских татар, казаков или якутов не есть "русская" история или часть последней... История угнетенных народов не может не упоминать об истории народа-угнетателя, но отсюда заключать к их тождеству было бы величайшей бессмыслицей". Нужно устроить рубрики "История Запада", "История Востока", хотя когда-то "История Запада", синонимичная "всеобщей истории", была "крупным завоеванием" (См.: 41. С.IX).

Исторический процесс предлагалось делить на три темы, которые необходимо было углубленно, с поисками истоков, разрабатывать: империализм, буржуазно-демократическая революция и история рабочего класса. Особняком выделялась тема методологии истории, целью которой являлось согласование исторического материализма с конкретным историческим материалом (См.: 41, с.ХП-ХІІІ). Вот этим-то материалом и пытались заполнить, "оплотнить" схемы историки "старой" выучки. В 1926 г. появился учебник-хрестоматия "История классової борьбы в России в материалах и документах" под редакцией Н.Карпова и М.Мартынова, предназначенный "для вузов и комвузов до совпартшкол повышенного типа включительно", в которой собраны изумительные документы, пущенные в коммунистический всеобуч: договорные, духовные, уставные грамоты, грамоты на кормления, материалы по истории отношений Новгородской республики и Московского государства, формулы монархической идеологии русского средневековья. Документы подразделялись на периоды. Весь феодализм вошел в раздел "Эпоха торгового капитализма". Письма Екатерины II - в "Новый феодализм" и т.д. Собственно, эти подразделы и составляли векторы исторического мышления.

Историческая схема и конкретность.

Получилось трагическое столкновение "прежних" идеологических устремлений, имевших целью обдумывание путей исторического развития, с навязанной схемой, предписывавшей миру двигаться в строго заданном направлении. *Тоска по конкретности*, о которой писал в свое время Милюков, *обернулась* для историков-профессионалов *необходимостью заниматься только ею*, если, конечно, не возникало желания занять место в административно-партийной иерархии или сохранить старое, что было невозможно без овладения если не марксизмом, то марксистской фразеологией. Многие прекрасные историки - С.Н.Валк, Б.А.Романов (его книга "Люди и нравы Древней Руси" до сих пор одна из лучших, если не лучшая по истории древнерусской культуры), С.Н.Чернов, Н.М.Дружинин, С.Д.Сказкин - уходили в чистое источниковедение. Медиевист Гревс стал заниматься "историей города как очага куль-

туры", организацией экскурсий. Огромное количество историков стало заниматься краеведением. Созданный в 1930 г. журнал "Краевед-массовик Московской области" ставил перед собой цель "практического участия в деле реконструкции всего народного хозяйства"⁴⁴, для чего необходимо было комплексное изучение районов со всеми относящимися к ним угодьями и предприятиями. В первом номере журнала была опубликована анкета М.Я.Феноменова об изучении колхоза. Такая же анкета предлагалась по сбору сведений о полезных ископаемых, для описания рек и речных долин, по учету оврагов. Найдите мы сейчас ответы на эти анкеты, мы получили бы бесценный историко-социологический материал.

Но были и историки, примкнувшие к новой идеологии: в конце 30-х они в первую голову подверглись репрессиям.

И все же представление о том, что после 1917 г. в учебных заведениях только и делали, что грызли "гранит марксизма", неверно. А.Авторханов сообщает в своих "Мемуарах", что, обучаясь в ИКП, он не прочитал ни одной книги Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина: их полагалось знать до поступления в Институт, ректором которого с 1921 г. по 1932 г. был Покровский, зато читал историографические труды эмигрантов: "Очерки по истории русской культуры" Милюкова, "Очерки русской смуты" генерала А.Н.Деникина, книги В.А.Мякотина, Кизеветтера, Ростовцева, "внутренних эмигрантов" Платонова, М.С.Грушевского, Любавского, Карсавина, Р.Ю.Виппера - эти книги входили в список обязательной литературы. Программы по истории и в 30-е годы практически оставались дореволюционными. Но и более того: эти беспартийные профессора умышленно отказывались преподавать курсы, близкие к новейшему времени, где уверенно плавали только "киты" из школы Покровского.

Курс лекций по античной истории в ИКП читал В.С.Сергеев, по английской деревне - "плюралист англо-саксонской школы" Е.А.Косминский, по бургундской деревне - ученый редкой интеллектуальной честности Н.П.Грацианский, историю Востока В.В.Струве, прославившийся циничной репликой: "Мы, востоковеды, с величайшим нетерпением ждем и, к нашему величайшему сожалению, никак не дождемся, когда И.В.Сталин найдет время высказаться по тематике Древнего Востока, что явилось бы эпохальным вкладом в советское востоковедение"⁴⁵.

Русскую историю вел приезжавший из Ленинграда Б.Д.Греков, предвосхитивший "патриотическую концепцию" Сталина начала 30-х годов. Еще в 20-е годы он выступил против западнической концепции Милюкова, против "варяжской теории" Сильвестра, Карамзина и Соловьева, рассматривая княжение Рюриковичей как династический элемент в русском государстве, образовавшемся в При-

⁴⁴ "Краевед-массовик Московской области", 1930, № 1. С.3.

⁴⁵ Авторханов А. Мемуары. Франкфурт-на-Майне, 1983. С.347.

А.Авторханов сравнил это высказывание с менделеевским: "В ученых дебатах ссылка на авторитет государя не делает чести ни науке, ни самому государю" (Там же).

карпатье в VI в. Преподавал в ИКП и С.В.Бахрушин, предварительно прошедший трагический путь по тайге и в тундре Сибири. В 30-е годы его дореволюционный "патриотизм" пришлось, что называется, ко двору, его вызвали из ссылки и назначили сразу профессором и МГУ, и ИКП.

Профессоров "старой" школы отличали фундаментальность в деталях и отделанность лекций. "Новые" же строили курсы в полемическом плане, причем полемизировали не только со своими предшественниками, но и с самой историей. "Особенно доставалось "еретикам" внутри партий и меньшевикам вне партии, - пишет слушатель ИКП А.Авторханов. - Помню, как один из них, в подкрепление своей критики, приводил стихи, кажется, Демьяна Бедного, из дореволюционной большевистской "Звезды" по вопросу, "кем ты можешь быть на худой конец, но кем нельзя быть при любых условиях". Слов не помню, но зато хорошо запомнил содержание: - будь анархистом, будь морфинистом, будь негодяем, будь разбойником, будь проституткой, но не будь меньшевиком!"⁴⁶.

На Ямфаке в Ленинграде Древнюю историю вели С.А.Жебелев, И.И.Толстой, Я.М.Боровский, С.Я.Лурье, П.В.Ернштедт и др., вспомогательные дисциплины - О.А.Добиащ-Рождественская. На первый взгляд, казалось, что, хотя и со скрипом, но продолжается традиция основательного исследования, пусть только классовой борьбы. Казалось бы, об этом свидетельствовало и то обстоятельство, что в 20-е годы было много идеологических проработок историков, но не было политических дел историков. Примером может служить состоявшаяся в 1928 г. жесткая дискуссия по поводу книг Д.М.Петрушевского "Очерки из экономической истории средневековой Европы" и Е.В.Тарле "Европа в эпоху империализма". Покровский в статье ""Новые" течения в русской исторической литературе" писал, характеризуя книгу Петрушевского, что по сравнению с нею даже сочинения Милюкова - настоящая историческая наука. Что же вызвало такое негодование главы советской исторической науки?

Петрушевский попытался к всеобщей истории с древнейших времен применить общие понятия, свойственные капиталистическому способу производства и современному ему социализму, опираясь на идеи Г.Риккерта и М.Вебера. Так, всякое хозяйство, где есть обмен, купля-продажа, он называет капиталистическим, не делая различия между ним и товарным хозяйством. Он "обнаружил" военный коммунизм у племен, воевавших с римлянами, и государственный социализм в дворцовом хозяйстве римских императоров, создавая своего рода историческую утопию, ссылаясь при этом на утверждение Вебера о том, что и в истории возможны обобщения, но в таком случае они представляют собой "идеальный тип", соответствующий действительности лишь в общих чертах. Для Петрушевского главным оказалось не индивидуальность средневековья, а то, в какой мере ему присущи черты типа. "Основные нормы тог-

⁴⁶ Там же. С.352. См. в этой книге очень сочные характеристики профессорско-преподавательского состава.

дашней жизни, несмотря на резко выдержанную индивидуальную печать, на них лежащую, мы находим и в следующую за средними веками эпоху, но лишь в развившемся в полной мере виде". "Индивидуальная история... накладывала индивидуальный отпечаток на поместный строй... не закрывавший, однако, их типических черт". "Поместье являлось живым организмом в живом взаимодействии... оно никогда не пребывало в состоянии неподвижности, и облик его постоянно менялся"⁴⁷.

Даже из этой краткой выдержки очевидно противоречие между мыслью историка и действием социологической схемы. Историк - в признании индивидуального. Социолог - в признании повторяющегося, тождественного. Но реальное в истории - то, что уже осуществилось в его единственной возможности, в той, в какой оно осуществилось. Собственно, в том и заключается коварство истории: как событие, она осуществилась. Но как проблема она остается, и в этом смысле всегда современна.

Поэтому вполне прав Покровский, критикуя метод применения Петрушевским общих понятий. Другое дело - отвратительный тон полемики и признания ее единственного достоинства, заключающегося в "откровенном антимарксизме"⁴⁸. Несколько лет спустя такое определение было бы столь же откровенным политическим доносом, и Покровский вольно или невольно внес в это свою лепту. Впрочем, как и большинство участников дискуссии, назвавшие положения книги "марксистобразными". Лишь двое выступавших - А.И.Неусыхин (прямо и резко) и Е.А.Косминский (осторожно) не поддержали "погромного" тона дискуссии.

К счастью, в 20-е годы за всеми этими определениями еще не маячила физическая расправа. Напротив, было высказано нечто вроде сожаления об антинаучных воззрениях Петрушевского, в чем была доля истины. "А ведь Петрушевского еще в дни легального марксизма, - писал Покровский, - рассматривали как своего или почти своего"⁴⁹.

К книге Тарле были предъявлены другие претензии.

Тарле утверждал, что перед первой мировой войной дело в Европе шло не на социальную революцию, а на "гражданский мир"; историк посмел замахнуться на признанный марксистами за истинный "факт" стремление пролетариата к революции. Как расценила этот "выпад" официальная историография? Признав, что книга написана с позиций классово-борьбы, Покровский усмотрел ее ущербность в том, что Тарле осмелился напомнить о силе капитализма. "Капитализм 1871-1914 гг. и не с таким противником как рабочий класс этого периода не справился бы, - рассуждал Тарле. - И рабочий класс 1871-1914 гг. даже при меньшей устойчивости неприятеля не рискнул бы на революционное выступление, так как был неуве-

⁴⁷ Петрушевский Д.М. *Очерки по экономической истории средневековой Европы*. М.-Л., 1928. С. 79, 156, 162.

⁴⁸ Покровский М.Н. "Новые" течения в русской исторической литературе. - "Историк-марксист", 1928, № 7. С. 10.

⁴⁹ Там же. С. 16.

рен в себе, не объединен в настроениях, так разнохарактерны были входившие в него слои и прослойки"⁵⁰.

Если бы этот вывод прозвучал несколькими годами позже, когда утвердилась идея победы социализма в одной, отдельно взятой стране, никто бы и спорить не стал. Но он прозвучал в обстановке все еще слабо теплющейся надежды - по крайней мере в историко-теоретических кругах - на мировую революцию, и потому даже не оспаривался, просто отбрасывался за ненадобностью. Вывод Покровского, хотя и был абсолютно антинаучным, но весьма характерным для полемики тех лет, не стеснявшейся в выражениях для идейной дискредитации: он объяснил заключение Тарле влиянием "зловредной" теории относительности, согласно которой "можно сначала помереть, а потом родиться". Вывод Покровского шутив, но в каждой шутке, как известно, есть доля правды. Фактически это звучало предупреждением.

Третья смена парадигм: история производства и технологий.

Наступал следующий этап смены исторических парадигм. И как человек, знающий историю, и как историк, погруженный в гущу политической жизни, Покровский не мог этого не предвидеть. Отголоски такого предчувствия слышны и в этой дискуссии, и еще раньше, в речи на первом съезде историков-марксистов, когда он настойчиво приглашал к изучению истории по принципу производственных отношений. Это было на подступах к 1929 г., когда началось уничтожение не только крестьянства, но размывание всех общественных классов, перетасовка всех общественных слоев. В этой ситуации история классовой борьбы, объявленная тотальной (как прежде экономическая история), на историческом поприще подменяется *историей производства, историей технологий*. И снова политико-волюнтаристский слом направления исторической мысли приобрел трагический характер разрыва со всеми прошлыми историческими накоплениями: расчет на победу социализма без развитых экономических отношений на базе одной лишь технологии обернулся уже в наши дни упадком и экономики, и технологии, и производства. Остается только удивляться таланту историков и до-революционного поколения, и поколения, пришедшего ему на смену в первые пореволюционные годы, которые сумели выпустить в свет поистине уникальные труды типа "Истории техники", первый том которого вышел в 1932 г., или "Агрικультура в памятниках западного средневековья" (1936).

В 1929 г. сменилась не только установка для исторических исследований. Партократическая государственная верхушка приступила к захвату научных постов. Прежде всего пострадала Академия наук СССР, до того сохранявшая относительную самостоятельность:

⁵⁰ Там же. С. 15.

в нее было введено четыре академика-марксиста, затем последовала серия арестов. Нашумело так называемое "дело Платонова". Поводом к аресту академика послужило хранение им в Библиотеке Академии наук (БАН), Пушкинском Доме и Археографической комиссии, которые он возглавлял, якобы недозволенных материалов по истории партии. Целью же этого не доведенного до открытого процесса "дела", следовательно - неудавшегося, было уничтожение пласта старых ученых. Не отдельных ученых, как это было в начале 20-х, а именно *пласта*. По "делу Платонова" было арестовано 115 человек, среди них академики Н.П.Лихачев, Любавский, Тарле, члены-корреспонденты Дружинин, Д.М.Егоров, Яковлев, Бахрушин, профессора В.И.Пичета, Романов, Готье и др.⁵¹. Многие из них умерли в ссылке, часть вернулась и продолжала работу в вузах.

Четвертая смена парадигм: требование великодержавной истории.

Этап, начавшийся в 1929 г., можно считать промежуточным, подготовившим глобальную смену исторических ориентиров, пришедшую на 30-е годы, одним из актов которой было открытие в 1934 г. исторических факультетов в университетах. С 1929 г., когда Сталин был уже полновластным хозяином в стране, стало ясно, что сформулированный в свое время принцип приоритетности экономической истории с политической подоплекой не выдержал проверки временем: социализм строился в одной стране, расчет на "мировой пожар" не оправдался. Центр тяжести был перенесен сперва на технологию, затем на политику. С начала 30-х стала готовиться жупельническая *подмена Бога мировой революции Богом русской истории*.

Как это происходило?

Официальным началом нового курса можно, по-видимому, считать письмо Сталина от 1931 г. в редакцию журнала "Пролетарская революция" по поводу публикации в № 6 этого журнала за 1930 г. статьи А.Г.Слуцкого "Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса". Письмо было озаглавлено "О некоторых вопросах истории большевизма"⁵² и посвящено, казалось бы, частным вопросам ленинизма - борьбе большевиков с оппортунистами. Однако из этих частных вопросов делались глобальные выводы. В начале 30-х Сталин начинает подправлять Ленина, т.е. даже не подправлять, а интерпретировать, принуждая принимать его трактовку уже готовый к принуждению партийный аппарат и партийные массы. В письме он подчеркивает слабость и немощность германской социал-демократии, "организационно неоформленной,

⁵¹ См. Брачев В.С. "Дело" академика С.Ф.Платонова. - "Вопросы истории", 1989, №5.

⁵² Сталин И. Соч. Т.13. М., 1951.

идеологически не подкованной"⁵³, настаивал на мысли о постоянной готовности Ленина и большевиков к "разрыву с оппортунистами всех мастей", особенно с центристами (удар был направлен против Троцкого), и о том, что "левые социал-демократы на Западе оказались не созревшими к тому, чтобы *идти по стопам* (курсив мой - С.Н.) русских большевиков"⁵⁴. Все ставилось с ног на голову: уже не Запад являлся родоначальником революционно-пролетарского движения, а Россия!

В "Ответе Олехновичу и Аристову" (1932), откликнувшись на это письмо, Сталин выражается еще более определенно: он настаивает на том, что Парвус и Роза Люксембург сочинили и выдвинули теорию перманентной революции, а Л.Д.Троцкий в 1905 г. активно выступал за нее *против* Ленина⁵⁵. Тем самым расчет на мировую революцию снимался с повестки дня в силу своей изначальной антиленинской направленности. Это первое.

Второе. Из сталинского письма следует, что зубодробительным, но не смертельно опасным дискуссиям 20-годов пришел конец. Отныне либерализм по отношению к врагам, носящим псевдоним "троцкизм", недопустим, ибо он "есть головоупяцтво, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу"⁵⁶, и тот, кто ему попустительствует, объявляется занимающимся "контрабандистской деятельностью"⁵⁷.

Это было прощупыванием курса на физическое уничтожение всех, кто впоследствии может быть признан противником.

Другим сигналом такого же рода было обсуждение книг Е.М.Ярославского по истории партии. Сталин в конце упомянутого письма, хотя и употребил слово "к сожалению", но жестко определил выход этих "книжек" по разряду "несвободных от ошибок, льющих воду на мельницу Слуцких", ибо "несмотря на их достоинства, содержат ряд ошибок принципиального и исторического характера"⁵⁸.

Ярославский не угодил Сталину тем, что в своих "книжках" не нашел места Сталину как главному действующему лицу в ВКП(б) времени революции. В свою очередь, подобная позиция вызвала письмо "К изучению истории" Сталина, С.М.Кирова и А.А.Жданова, от одной интонации которого веяло холодком смерти.

Ясно, что со всеми старыми историями было покончено. Новые установки диктовали новые легенды и новые мифы. Но какие? Только ли с поправкой на имя Сталина? Этого было мало: вновь торжествовала идея власти. На место коня экономического детерминизма явно пристегивали коня детерминизма государственного. Идея была прежняя, дореволюционная, но с новым содержанием, ибо государство было уже не самодержавным с сословной взаимос-

⁵³ Там же. С.87.

⁵⁴ Там же. С.88.

⁵⁵ Там же. С.132.

⁵⁶ Там же. С.99.

⁵⁷ Там же. С.101

⁵⁸ Там же. С.101-102.

вязанностью, а тоталитарным - с уничтоженной сословностью. Но эта тоталитарность требовала тех же, то есть "почти" прежних, декораций. А именно: она должна была иметь свою историю, подразделенную на этапы, синхронные периодизации европейских стран. Тогда-то и стала интенсивно разрабатываться идея формаций.

В 1927 г., когда Покровский учил историков-модернистов новой периодизации, слово "формация" не было произнесено в качестве основополагающего. Это понятие было закавыкой для историка гнезда Ключевского, составляя для него теоретическую трудность. Каким, например, образом при страшной заоченности такой политической формы, как самодержавная монархия, могло осуществиться прогрессивное восхождение (для Покровского это было именно так) к капитализму, империализму, социализму? Или каким образом абсолютизм в России встраивал прогрессивную Европу в собственное крепостничество с его пиком - рабством? Историки старой школы знаменателем в этом процессе ставили государственную власть. Он же искал нечто, способное государственную власть в этом процессе заменить, не считая ее демиургом истории. И, как марксист, выдвинул на ее место классовую борьбу и торговый капитал в шапке Мономаха и гордился своим открытием ("этот торговый капитал до некоторой степени официально я открыл") (См.: 41, с. 12). Из этой его концепции торчали уши старой выучки.

Для "красной же профессуры" формационной сетки было достаточно: это было иное поколение, отвергшее прежние традиции при активном усвоении новой мифологии.

Правда, замешанное на страхе новое мышление овладевало и некоторыми старыми профессорами. Вот любопытный пример, заимствованный из книги Копрживой-Лурье "История одной жизни"⁵⁹, о том, как историк древнего мира С.И.Ковалев открыл "революцию рабов".

Аспирант Ковалева Л.Л.Раков готовил к изданию книгу "К проблеме разложения рабовладельческой формации", где доказывал неспособность рабских восстаний перейти в революцию. 20 февраля 1933 г. Ракова разбудили ночью и приказали немедленно явиться в ГАИМК (Государственную Академию Материальной Культуры), где объявили о прекращении тиражирования книги, ибо накануне в корне изменилась точка зрения на этот вопрос. 19 февраля Сталин, выступая на Первом съезде колхозников-ударников, объявил, что "революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся"⁶⁰. Из-за этого "открытия" последняя страница книги Ракова, где отрицалась сама возможность подобных революций, была вырвана. Выполнить указание Сталина, то есть подверстать под него факты, взялся Ковалев, прежде, как и Раков, отрицавший это понятие. К концу 1933 г. упомянутая революция была не только обнаружена, но и локализована во времени. Ковалев опирался на тезис, что темпы каждой последующей эпохи интенсивнее предыдущей, потому время

⁵⁹ Копржива-Лурье Б. Я. *История одной жизни. Париж, 1987.*

⁶⁰ Там же. С. 239.

"революции рабов" исчислял не годами, а веками, точнее - II-I вв. до н.э.⁶¹

Великодержавность требовала своего оформления. В 1934 г. были открыты исторические факультеты. История новой государственности должна была быть окрашена в патриотические тона. Установка на "новый патриотизм" являлась составной частью общего курса на создание новой государственной истории и осуществлялась столь же планомерно. Поводом для ее проведения в массовое сознание стал скомороший, пародийный, чуть ли не с палеховскими декорациями спектакль А.Я.Таирова по пьесе Демьяна Бедного "Богатыри". Газета "Правда" опубликовала разгромную статью по поводу этого спектакля, где указывалось на недопустимость неуважительного отношения к прошлому.

С этого же момента стала употребляться относительно дореволюционной России формула "наименьшего зла": определение России как "тюрьмы народов" стало смягчаться. О присоединении окраин перестали говорить как о захватах. Вместо этого предлагалось следующее объяснение: в состав России была включена Украина, ибо это лучше, чем если бы последнюю захватила Польша. То же с Грузией: лучше, чем резня. Монархический патриотизм стал в какой-то мере отвечать задачам патриотизма социалистического. В этой ситуации антигосударственник и интернационалист Покровский перестал устраивать партократию. В 1939 г. вышло двухтомное издание книги "Против исторической концепции М.Н.Покровского", где все мало-мальски заметные историки клеймили его и его последователей ни много ни мало как "ныне разоблаченными троцкистско-бухаринскими наймитами фашизма"⁶².

Это массовое охаивание, это выражение "всеобщего презрения" было не только установившимся к тому времени клише. Вполне возможно, что нашло выход мстительное чувство за вынужденность прибегать к марксистской фразеологии, от которой, впрочем, ни один из тех, кто приложил руку к избиению "школы Покровского"⁶³, не отказался; за пренебрежение историей как таковой - не только классовой борьбы; за проект милитаризации высшей школы; за отрицание единого государства в Киевской Руси (Б.Д.Греков); за противопоставление земледельца второй руки феодальному крупному землевладельцу (С.В.Бахрушин); К.В.Базилевич не соглашался с демиургической ролью торгового капитала, М.С.Нечкина - с интерпретацией восстаний Разина и Пугачева, В.И.Пичета - с замалчиванием роли народных масс в войне 1812 г. Мгновенно вспомнили и письмо Ленина относительно сравнительно-исторических таблиц, приложенных Покровским к учебнику "Русская история в самом сжатом очерке", в котором увидели намек на верхоглядство. "Только непростительной, идиотской беспечностью и потерей бдительности со стороны работников исторического фронта можно объ-

⁶¹ Там же. С.143-144.

⁶² Против исторической концепции М.Н.Покровского. М.-Л., 1939. Т.1. С.3.

⁶³ В разговоре со мной А.Розинский отождествил "школу Покровского" с "государственной линией", что правильнее.

яснить тот факт, что эта оголтелая банда врагов ленинизма долго и безотказно проводила вредительскую работу в области истории" - писала А.М.Панкратова⁶⁴, проклиная Покровского именем всей исторической науки, добавим - новой единой исторической науки, тщательно разбитой на периоды, приспособленной к новым требованиям, усмирненной жестким идеологическим намордником. Насильственно и страшно при полном уничтожении всех начатых в канун XX в. гетерогенных историй единство истории было восстановлено. Почуявшее свою силу, мощь, прочность, государство к 30-м годам задыхалось без истории, но истории покорной.

Если до революции при плюрализме идей лучшие из историков ощущали тоску по конкретности и по мере сил восполняли ее, если в 20-е гг. они бросились именно в конкретность, не имея возможности развивать методологию и философию истории, поскольку последняя была им навязана в виде исторического материализма, хотя сама эта конкретность носила периферийный характер (краеведение, палеография, чистое источниковедение), то теперь при окостеневшей схеме историки обрели возможность наращивания фактического материала, разраставшегося и ломавшего схемы. Правда, появилось весьма существенное "но": произошло резкое профессиональное размежевание между историками, изучающими всеобщую историю, и историками, работающими в области современной отечественной истории. Первым никто и ничто не мешало заниматься конкретикой. Желание Ранке - Фюстель де Куланжа ("факты, факты, ничего, кроме фактов"), казалось, нашло себе достойных восприемников. Дорогу вторым в этом отношении перебежала кошка все увеличивающейся секретности, усиливая торжество схемы. К тому же установка была не на аргументы, а на действия персонажей, которые историку полагалось угадывать. "Он (Слуцкий. - С.Н.) должен был сделать основой своей статьи не отдельные документы и два-три личных письма, а проверку большевиков по их *делам*, по их истории, по их *действиям*" (См.: 51, с.97).

Характер же действий, как правило, был заранее известен. Поэтому начавшееся со сменой поколения общее "окостенение" профессионального сознания особенно задело историков, занятых отечественной пореволюционной историей: схема не оплодотворялась "живой водой" источников. И потому к 60-м, когда происходило возрождение истории, когда снова - за счет количественных накоплений, за счет политических изменений, за счет изменения гражданского сознания - наметился крен в сторону методологии истории⁶⁵, именно отечественная пореволюционная история оказалась мертворожденной, а историки этого периода оказали яростное сопротивление новой парадигмальной смене.

⁶⁴ Там же. С.5.

⁶⁵ Большую роль здесь сыграл сектор методологии истории, руководимый М.Я.Гефтером, в Институте всеобщей истории РАН. Пользуюсь случаем, чтобы выразить М.Я.Гефтеру и В.С.Библеру благодарность за помощь в подготовке статьи.

Новые проблемы.

Между тем современная историко-методологическая ситуация в истории чрезвычайно напряжена. Требование восстановить доподлинную историю, ликвидировать ее "белые пятна" выбросило на поверхность изучения массу того самого засекреченного материала, которого долгие годы были лишены историки. Они исследуются, датируются, накладываются, проверяются, плюсятся, сравниваются. Мы явно видим новый ход старых событий. В этом, собственно, смысл любого нового абриса истории, которая всегда выступает не в виде дневников, писем и всего, что называется источниками, а в виде исторического произведения, имеющего своего автора, то есть того, кто преподносит в определенном виде факты, зафиксированные источниками. В том и состоит парадокс: фальсифицированная прежде история для нового исторического сознания становится ценнейшим источником, необходимым для понимания ушедшего исторического сознания. Не-история становится самой что ни на есть историей, а та, действительная история, - не есть ли, в свою очередь, плод интерпретации историком все тех же фактов, в которыми он вступает в полемику, включая в сознание поле культуры?

Не является ли такая взаимодополнительность однократной истории и культуры, где события обратимы, именно определением истории? Есть над чем подумать историку.